

Галина Иванченко

Логос любви

Галина Владимировна Иванченко

Логос любви

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5973283

Логос любви: Смысл; М.; 2007

ISBN 978-5-89357-236-0

Аннотация

Возможна ли выраженная в слове философия любви, сохраняющая и освещающая новым светом то главное, что мы находим в этом чувстве? Новая книга психолога и философа Галины Иванченко – попытка выразить невыразимое.

Содержание

Счастливая книга	4
INVENTIO. Между случайным и неотвратимым	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Галина Иванченко

Логос любви

*Помедлить, даже любуясь
любимым, нам не дано; дух от известных
образов вдруг стремится к безвестным; моря
ждут лишь в вечности нас. А здесь
только обрывы. От чувств знакомых
нас под обрыв, к незнакомым все дальше влечет.*
Р.-М. Рильке

Счастливая книга

Писать теорию любви вообще трудно, особенно в наши дни, когда все теоретические языки отвернулись от любви, отодвинули ее на окраину интеллектуального мира. Об одиночестве любви, которая оказалась без языка, и о безлюбности современных авторитетных дискурсов писал еще Ролан Барт – от имени растерянного Влюбленного: «...Я зывал ко всем прохожим языкам (системам), тщетно требуя от них во что бы то ни стало, непристойно, некоей философии, которая бы меня “понимала” – “принимала”» (С. 231). С тех пор как раздался этот глас вопиющего в пустыне философического безлюбия (и безлюдия – теоретическая дегуманизация уже началась), прошло тридцать лет. Пустыня за это вре-

мя расширилась, и единственным оазисом в ней осталась все та же книга Р. Барта «Фрагменты речи влюбленного» (1977). Но тогда еще близки были 1960-е гг., когда о любви, смешивая мистику и эротику, толковали поколения битников и хиппи, когда ее заново, после фрейдовского пансексуализма, открыли гуманистический психоанализ и леворадикальная эзотерика: «Искусство любить» Э. Фромма (1956), «Тело любви» Нормана Брауна (1966). А вот в послебартовском постструктурализме для любви вообще не нашлось концептуального пространства. Достаточно вспомнить ряд самых громких имен: Бодрийяр, Делез, Деррида, Лиотар, Фуко; все как на подбор из страны классической любовной культуры – и ничего о любви (если не считать «Истории сексуальности» Фуко, которая совсем о другом). Когда-то почти каждая культурная эпоха создавала свой любовный язык, на котором и осмысляла себя. Платонизм и неоплатонизм, христианство, средневековье, Ренессанс, Просвещение, романтизм, символизм – все эти исторические эпохи, религиозные, философские и культурные движения по сути были разными способами манифестации Любви как основы миропонимания. И вот – глухое молчание. Если литература еще продолжает – почти поневоле, по запросу читателя – говорить о любви, то философия конца XX в. молчит о ней, как о предмете, потерявшем свежесть для мысли.

Сама эта безлюбивость теоретического языка немало говорит о той эпохе, когда электронные технологии, симуляк-

ры и виртуальности казались единственно достойным предметом новаторской мысли. И вот, подводя итоги этой почти уже закончившейся эпохе, мы возвращаемся к любви как новому свидетельству о человеке, едва ли не более драгоценному, чем все то, что занимало умы постструктурального поколения. Читать, писать, ознаковлять, репрезентировать, симулировать, структурировать, оставлять следы, производить различия и даже в какой-то степени мыслить (точнее, рассчитывать, вычислять) – со всеми этими видами деятельности машина (искусственный интеллект) справляется не хуже, а во многом уже и лучше человека. Не в этом ли и состоял полезный смысл постструктуральных техник мышления: подготовить человека к царству машины, вписать его в информационный век? И вот теперь все очевиднее становится, что едва ли не главный зазор, несостыковка человека с этим веком происходит как раз в области любви, потому что симулировать и технизировать ее невозможно. Человек – это существо, способное любить. Человек – это звучит любовно. Этот антропологический факт открывается нам с тем большей непреложностью, что из человека сделано уже так много технологичных вычитаний, столько жизненных функций уже перераспределено в пользу информационных систем – а вот любовь передать нечему и некому.

Осознание этой обреченности на любовь не может не привести к созданию новых ее понятий и образов, уже вобравших всю степень отчужденности от нее, весь тот техно-си-

мулятивный строй языка, который был выработан предыдущей эпохой. Может быть, поэтому самое большое впечатление в книге Галины Иванченко на меня произвели те страницы, где говорится об умирании любви, о ниспадании ее девяти оболочек. Нигде так пронзительно не обнаруживается кровная жизненность любви, как в корчах ее умирания. Мы привыкли к некоторой внежизненности всех чувств, мыслей и отношений, поскольку отождествляем их с системами знаков, которые их представляют и замещают. В конце концов, по крылатому выражению Ж. Деррида, «нет ничего внетекстового», есть только означающие в отсутствие означаемых. В текстовой вселенной есть бесчисленные замены, подмены, отсылки, перекодировки, а явление означаемого постоянно откладывается, само время – это только бесконечно растяжимая отсрочка. Все это создает иллюзию вечной жизни, ложность которой опознается только наступлением смерти, явлением абсолютного конца. Именно в смерти нас по-настоящему пронзает то, чем была эта жизнь, чем была та любовь, которой больше не будет. Галина Иванченко показывает, как любовь умирает вместе с любящим, ибо они питают друг друга: «Исчезает, трансформируется на глазах моя юность. Только что я была полна надежд, планов, сил, страстей, и вот от них остается одна тень, или даже: передо мной не красавица-любовь, а ее скелет и череп, как на литографиях XVIII века. /.../ Избавившись от этих полуязыческих, магических представлений, “иллюзорных корреляций”, вслед

за героем Эдгара По ты можешь ответить на вопрос, жив ли ты: “Нет, я не умер, я спал, я долго спал, а теперь я умер, я умер, я умер...”»

Еще один момент, вдруг удививший меня в книге Галины Иванченко как примета нового реалитета чувств, – это любовь «чуть-чуть». «...Безграничность любви, как это ни странно, ограничена; по меньшей мере к ней примыкают “пока еще чуть-чуть” и “уже не больше чем чуть-чуть”». Это звучит привычно в отношении искусства, где, как сказал Л. Толстой, самое главное – «чуть-чуть»; но любовь? но желание? но вдохновение? И вдруг понимаешь, что не просто в любви есть свое чуть-чуть, но что и сама любовь есть чуть-чуть, маленькая припухлость на ровном месте существования. Ну там синие глаза или приятный разговор, что-то чуть-чуть зацепило... И потом, рванувшись, рвешь на себе и рубашку, и кожу. Еще Стендаль писал, как голая, невзрачная веточка, опущенная в соляной раствор, обрастает сияющими кристаллами – эта кристаллизация и есть любовь, в ее романтическом преломлении. Но в книге Г. Иванченко это «чуть-чуть» не романтизируется, а дается прямо, как литота, столь непохожая на обычную гиперболизацию любви, особенно в женских текстах. И это преуменьшение действует сильнее, чем преувеличение.

Вообще книга впечатлит тонкого читателя сочетанием женственности и трезвости своего письма, отсутствием экзальтации – как чувствительной, так и мыслительной.

Смерть любви описана так жестко, как может описать только женщина. Мужчина чаще цепляется за прошлое, пытается сохранить живой труп в состоянии полужизни, священного анабиоза – у женщины резче проходит грань между «есть» и «нет». На этот счет точно сказано у И. Бунина: «для женщины прошлого нет: Разлюбила – и стал ей чужой»; книга Г. Иванченко, как мне кажется, подтверждает этот поэтический вывод. Вместе с тем в книге нет и понятийной экзальтации, увлеченности некоей стройной концепцией, в которую укладывались бы все проявления любви. Сумма жизненного опыта переплавляется в понятия, но удерживает их при себе, не позволяет образоваться понятиям-пустышкам, заполняющим нужные ячейки теоретической схемы. Г. Иванченко пишет не «логику любви», а «логос любви», логос, несводимый к логике, может быть, даже эйдос любви. И представляет его не прямыми линиями, квадратами, геометрическими абстракциями, но и не импрессионистическими пятнами и расплывами, а скорее мягкими, волнистыми линиями, выявляет колебательность его свободного и вместе с тем ясного контура. Например, размышляя о модальности любви, о том, чего в ней больше, случайного или неизбежного, автор приходит к более широкому, чем эта оппозиция, понятию «неслучайного», куда вместимо и возможное, и невозможное, и необходимое. Так, используя частицу «не», она делает расширяющий концептуальный жест, который вообще характерен для современного теоретического письма, но

особенно уместен в книге о любви. Центральное понятие книги, все определяя собой, само не поддается определению и нуждается не в дефинициях, а в инфинициях, множестве «беспределений», постоянно себя поправляющих, стирающих, оговаривающих свою неполноту.

Концептуальная открытость книги проявляется и в том свободном разговоре, который она ведет с самыми разными собеседниками, от Гомера, Шекспира и Стендаля до Ортеги-и-Гассета, Цветаевой, Октавио Паса... Автор не навязывает им роль своих единомышленников или предшественников, но обменивается с ними быстрыми, живыми репликами. Это смиренномудрая интонация разговора, в который приходишь и который покидаешь посередине, ибо он продолжается уже тысячелетия и не может быть завершен.

Книга Галины Иванченко «Логос любви», по сути, не нуждается в столь длинном предисловии: она говорит сама за себя. Но она говорит и от имени того языка, который заново откликается на голос влюбленного и кладет конец теоретическому сиротству любви. Эта книга – симптом выздоровления мысли от тяжелого недуга безлюбия. Но и сама по себе, вне этого теоретического контекста, в контексте экзистенциальном, книга представляется мне удачным опытом примирения разума и чувства. Галина Иванченко написала счастливую книгу о любви. Любовь здесь предстает разной: и одинокой, и мучительной, и не востребованной, но книга все равно счастливая. Ее язык соразмерен ее предмету, а мысль сораз-

мерна душевному опыту. Несчастливая книга – та, что захлебывается от пережитого или мудрствует о непережитом.

Михаил Эпштейн

INVENTIO. Между случайным и неотвратимым

Но да будет воля не Моя, но Твоя...
Мф. 26:39

*Если все это – замысел, а не случайность,
то не будет ни Вашей воли, ни моей...*
М. Цветаева. Из писем к А.Г. Вишняку

А если все это – случайность? Все во мне противится этой нелепой мысли, и нельзя не вспомнить хрестоматийное –

Мятеж не может кончиться удачей —
В противном случае его зовут иначе.

Но ведь *это* чудо не может быть случайностью! «Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой...» Случайная встреча забудется раньше, чем закончится, а та, которая сейчас кажется единственно нужной и судьбоносной, – вот она, всегда рядом, реальнее реальнейшего.

Влюбленные почти всегда находят особое удовольствие в том, что ищут и подчеркивают неслучайность путей, приведших их в объятия друг друга. Героиня рассказа Марины Палей «Рейс» размышляет о ничтожной вероятности абсолютно случайной – и все же происходящей – новой встречи с

любимым («мы не виделись девять лет, две войны по российскому летосчислению»). Но вскоре «не сводя с тебя глаз, я вдруг поняла, что шансов у нас как раз было невероятно много, потому что совпадения – это, видимо, рифмы на Божьих скрижалях, а Создатель любит стройные тексты».

Создатель или создания?

Психолог Даниель Канеман, лауреат Нобелевской премии по экономике, получил ее за работы по эвристикам обыденных умозаключений, то есть по систематическим ошибкам в прогнозировании неопределенных событий. Хотя эвристики нередко оказываются эффективными, они могут помешать принятию рациональных решений. Одна из типичных ошибок умозаключений – тенденция к преувеличению вероятности редких, маловероятных событий и к недооценке вероятности событий «типичных». «Верую, ибо крайне маловероятно». Совпадения, отчасти в силу своей маловероятности, наделяются сакральным статусом.

Но не только когнитивные структуры – глубинные мотивы подталкивают нас в направлении истолкования случая как предзаданного. Предназначение, говорит Ж. Бодрийар, – «вот главный корень умопомрачительности обольщения, как и любой другой страсти. Предначертанность – вот что изощряет лезвие рока, по которому скользит удовольствие, вот что несется стрелой остроумия, наперед сочетая движения души с их грядущей судьбой и смертью...»¹

---

¹ Бодрийар Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. С. 197.

Для того чтобы не гоняться за призрачными закономерностями, наверно, нужно достичь той степени самодостаточности, той мудрой ироничности, с которой лирический герой «Писем к римскому другу» Бродского констатирует:

Сколько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.

Закономерности подчиняют себе прихотливую игру случая. Там же, где закономерности нет, человек ее придумывает и домысливает — известный социальным психологам феномен «иллюзорной взаимосвязи». Даже маленькие дети с недоумением и какой-то завороченностью прослеживают причудливый путь бывшего соединения членов семьи в одно, как в старом анекдоте: «Папочка, ты где родился? — В Нью-Йорке, дитя мое. — А ты, мама? — В Оттаве. — А я? — В Альбукерке. — Это действительно странно, что все мы встретились».

Но, возразят мне, немало и тех, кто рад считать замечательной и счастливой, порой незаслуженно счастливой, случайностью свою встречу с любимым. Так, у Виславы Шимборской («Любовь с первого взгляда») читаем:

Оба они убеждены,
Что их чувство было внезапным.
Такая их уверенность прекрасна,
Но неуверенность еще прекрасней.

Считают, что, если они не знали друг друга раньше,
ничего никогда не было между ними.

А что на это скажут улицы, лестницы, коридоры,
Где они могли сталкиваться не однажды?

<...>

...Очень бы их удивило,
что уже долгое время
играл ими случай.
Еще не совсем готовый
превратиться в их жребий,
сближал их и отдалял,
перебегал им дорогу
и, сдерживая смех,
отскакивал в сторонку...

Перед нами скорее неуверенность (которая «еще прекрасней»), чем уверенность в случайности. Проще «вытеснить», отрицать, отклонять цепочку событий и встреч, приведших к «отмеченной» встрече, наделенной правом представлять собой «начало всего».

Снова обратимся к Бродскому: «Случайное, являясь неизбежным, / Приносит пользу всякому труду». Здесь возможны по меньшей мере два варианта прочтения. Первый – случайное начинает казаться неизбежным в обратной перспективе, когда мы уже знаем концы и финалы того, что за-

вязывалось так случайно. Второй – неизбежно в любой жизни, в любой деятельности сохраняется доля случайного. Любая жизнь «обрастает» возможностями. И именно они порой сообщают радостное вдохновение и жизни, и деятельности. И тем самым «приносят пользу всякому труду».

Между случайным и неизбежным лежит область неслучайного, о которой мы и будем говорить далее, но сначала несколько слов о «детерминирующей» границе неслучайного: о неизбежном, неотвратимом, непреложном. Так, таинственность и всевластность Судьбы проявляются и в ее поэтических характеристиках. Неизбежность и неотвратимость Судьбы практически синонимичны, как и синонимичны в данных контекстах неодолимость, неотразимость, неукротимость, безошибочность судьбы².

Неизбежное – это то, к чему непременно приведут любые пути, как бы ты ни старался избежать этого, как в знаменитой притче о всаднике и о Смерти, от которой он пытается укрыться в далеком Багдаде. Впрочем, неизбежными могут быть и радостная встреча, и личностный рост, и все, что является трудным и от чего так хочется уклониться, но мудрая рука судьбы толкает тебя в этом направлении.

Неотвратимое же выступает как слепая грозная сила события, надвигающегося подобно грозовой туче, урагану, смерчу. Неодолимая сила, угроза, негатив еще более, чем

---

² Павлович Н. Словарь поэтических образов: На материале художественной литературы XVIII–XX веков: В 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. С. 486–487.

в «неизбежном», акцентируются в «неотвратимом». Любовь крайне редко характеризуется как «неотвратимая», хотя близкие определения возможны:

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный в сердце обреченном...

(А. Ахматова)

«Неизбежное» сохраняет оттенок магической притягательности, околдовывающей силы; но «неотвратимое» не притягивает. Человек парализован столкновением с ним, самым взглядом, словно Хома Брут в сельской церкви на исходе третьей ночи. В самом слове «не-отвратимое» заложена надежда на то, что пронзительный взгляд Рока может на тебя и не упасть, если будет «отвращен» от тебя, отвлечен чем-то. Странное времяпровождение в рассеянных играх и развлечениях, скажем, приговоренных получает психологическое объяснение: уподобиться желаемому состоянию Рока, быть рассеянным и как бы отсутствующим для того, чтобы не упустить шанс остаться незамеченным.

В модальной логике, разрабатываемой М.Н. Эпштейном, случайное объединяется с необходимым по отрицательному признаку «быть» («может не быть» и «не может не быть»), и, отмечает М.Н. Эпштейн³, по степени интенсивности «мочь» либо не достигает степени актуального бытия («то, что мо-

---

³ Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2003. С. 229.

жет быть», возможное), либо превосходит эту степень («то, что не может не быть», необходимое). Возможное, согласно Эпштейну, менее бытийно, а необходимое более бытийно, чем актуальное бытие само по себе. Интересен вопрос о статусе «неслучайного», «неизбежного» и «неотвратимого». «Неслучайное», противопоставленное случайному, может оказаться и возможным, и невозможным, и необходимым (причем в сознании влюбленного – всеми тремя одновременно или, по крайней мере, на протяжении пяти минут). «Неизбежное» и «неотвратимое» не вполне совпадают с необходимым: встреча с неизбежным (неотвратимым) оказывается принудительной – «ему придется...» (узнать, забыть, встретить и т. п.). Необходимое является таковым в силу порядка вещей, неотвратимое (неизбежное) – в силу Рока с его произволом.

Выше мы говорили о своего рода «романтике неслучайного». Флёр предопределенности окружает «истинное чувство». Выбор профессии также может быть «предначертанным», когда – традициями династии, когда – любовью к родителям с их скрытыми чаяниями и упованиями, возлагаемыми на детей. А когда и внутренней логикой нашего развития, которую мы «овнешняем», подыскивая, подбирая, коллекционируя случаи, поддерживающие версию предопределенности.

При всей привлекательности и романтическом ореоле неслучайное содержит легкий намек на несвободу выбора.

Этот намек становится совершенно явным в «неизбежном» и «неотвратимом», отрицающих и подавляющих свободу.

Но существует ли «свобода выбора» в любви в области случайного?

С точки зрения Х. Ортеги-и-Гассета, каждый, кто когда-либо любил, понимает, что страсть вовсе не была ему навязана. Перед каждым «впереди распаивается пылающая пропасть, бездна страдания», любви у каждого «предшествовал ясный момент, когда он сам, свободно принял ее»⁴.

Еще более категоричен Октавио Пас, в эссе «Солнечная система» утверждающий, что исключительность, избирательность в любви есть ее необходимое условие. Избирательность рассчитывает на взаимность, на свободное согласие другого и тем самым соприкасается с еще одним основополагающим элементом: свободой. Но у Октавио Паса можно найти противоречие между свободой как основой любви и несвободой, которая возникает, например, когда влюбленный, не переставая любить одну женщину, начинает вовлекаться в любовь к другой. Вот как рассматривает эту ситуацию Октавио Пас: «А если мы любим одновременно двоих? Речь, конечно же, может идти только о временном конфликте: чаще всего такая ситуация возникает при переходе от одной любви к другой. Потребность выбирать, которая является признаком любви, непременно укажет выход – иногда

---

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 165.

жестокий – из затруднительной ситуации»⁵. То есть ты не просто можешь, но должен выбирать. Будет ли такой выбор свободным? Сам человек при этом скорее всего не может не чувствовать принуждения со стороны обстоятельств, своего «Сверх-Я» или со стороны участников коллизии к выбору. То есть, возникая вследствие случайности, любовь с необходимостью ведет к выбору – свободному и несвободному одновременно.

И действительно, можно ли назвать свободным выбор, который непременно должен быть совершен?

---

⁵ Пас О. Солнечная система // Иностранная литература. 1997. № 7. С. 230.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.